

Садофьева А. Ю.

КУЛЬТУРНО-БЫТОВАЯ ДЕТАЛЬ В ПОВЕСТИ Н. В. ГОГОЛЯ "ВЕЧЕРА НА ХУТОРЕ БЛИЗ ДИКАНЬКИ" И СПОСОБЫ ЕЕ ПЕРЕВОДА

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/1/2007/3-1/86.html

Статья опубликована в авторской редакции и отражает точку зрения автора(ов) по рассматриваемому вопросу.

Источник

Альманах современной науки и образования

Тамбов: Грамота, 2007. № 3 (3): в 3-х ч. Ч. I. С. 204-207. ISSN 1993-5552.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/1.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/1/2007/3-1/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: almanac@gramota.net

а) из-за чередования согласных на стыке корневой морфемы и суффиксальной, которым обычно сопровождается чередование О/А (*заболачивать*);

б) если глагол выступает в несвойственном для него значении.

На один и тот же глагол действует, как правило, несколько факторов.

Отметим, что вышеперечисленные причины лишь замедляют процесс смены О на А, но не останавливают его. Нам кажется закономерной скорая стабилизация форм с А в корне даже в тех словах, где сейчас она кажется маловероятной. Мы же являемся свидетелями того, как эта норма складывается.

Список использованной литературы

1. **Виноградов В.В.** Видовой и продуктивный тип видовой корреляции того же происхождения / В.В.Виноградов // Виноградов В.В. Русский язык (Грамматическое учение о слове) / Под ред. Г.А.Золотовой. – 4-е изд. – М.: Русский язык, 2001. – 718 с.
2. **Головин Б.Н.** Как говорить правильно. Заметки о культуре речи / Б.Н.Головин. – Горький: Волго-Вятское кн. изд-во, 1966. – 208 с.
3. **Горбачевич К.С.** Изменение норм русского литературного языка / К. С. Горбачевич. – Л.: Просвещение, Ленингр. отделение, 1971. – 270 с.
4. **Кузнецов П.С.** О возникновении и развитии звуковых чередований в русском языке/Изв. АН СССР, Отд. лит. и языка, т.ХІ, кн.І, 1952. – С. 85-96.
5. **Обнорский С.П.** Глаголы многократного вида / Обнорский С.П. Очерки по морфологии русского глагола // С.П.Обнорский. – М.: Изд-во АН СССР, 1953. – 252 с.
6. **Розенталь Д.Э.** Культура речи, 3-е изд. / Д.Э.Розенталь. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 1964. – 140 с.
7. **Чернышев В.И.** Правильность и чистота русской речи. Опыт русской стилистической грамматики / В.И.Чернышев. – 2-е изд. – Выпуск II, Части речи. – СПб., 1915. – 402 с.
8. **Шахматов А.А.** О некоторых явлениях аналогии, нарушивших звуковые отношения / Шахматов А.А. Очерк современного русского литературного языка. Изд. 4-е. / А.А.Шахматов. – М.: Учпедгиз. Напеч в Лгр., 1941. – 288 с.
9. **Национальный корпус русского языка** / [http:// www.ruscorpora.ru](http://www.ruscorpora.ru).

КУЛЬТУРНО-БЫТОВАЯ ДЕТАЛЬ В ПОВЕСТИ Н. В. ГОГОЛЯ «ВЕЧЕРА НА ХУТОРЕ БЛИЗ ДИКАНЬКИ» И СПОСОБЫ ЕЕ ПЕРЕВОДА

Садофьева А. Ю.

Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова

Культурно-бытовая деталь художественного текста - это слова, словосочетания и отрезки текста, связанные непосредственно с бытом определенной этнической группы, отражающие особенности культуры, а также важные для содержания художественного произведения в силу выполняемой функции. К культурно-бытовым деталям относятся как прямые обозначения предметов и описания обычаев, так и лексические единицы широкой сферы употребления, получившие в определенную историческую эпоху дополнительное коннотативное значение, не зафиксированное в словаре, но известное носителям языка, устойчивые выражения, пословицы и поговорки, в состав которых входят слова, обозначающие явления и понятия, свойственные только данной культуре, потерянные и забытые значения многозначных слов.

Сборник Н.В. Гоголя «Вечера на хуторе близ Диканьки» (1831-32) насыщен украинским этнографическим и фольклорным материалом. В своих произведениях писатель широко использовал весь колорит и лексику украинского языка. Гоголь смело вводит в свои повести живую украинскую разговорную речь. Многие предметы повседневного обихода (одежду, посуду, своеобразные украинские кушанья и т. д.) он называет теми словами, какими они называются на Украине: хата, свитка, очипок и многие другие. Еще чаще он вставляет украинские слова и выражения в разговоры героев. Благодаря этому мы с особой силой чувствуем своеобразие описываемого Гоголем национального быта. В произведении большое количество бытовых и других реалий, но культурно-бытовыми деталями можно считать лишь небольшую их часть, которая играет существенную роль в создании колорита.

С точки зрения перевода, на первый взгляд данное произведение кажется очень сложным для передачи, так как на каждой странице встречается не одна, а десятки реалий и других культурно-обусловленных элементов. Но при дальнейшем анализе мы установили, что многие из этих реалий при переводе можно опустить в силу незначительности выполняемой ими функции, а другие, значимые детали автор сам часто поясняет, принимая во внимание неглубокие фоновые знания адресата.

В тексте оригинала и перевода «Вечеров на хуторе близ Диканьки» мы выявили многочисленные культурно-бытовые детали и попытались установить, соответствует ли их перевод оригиналу. За основу мы взяли перевод, сделанный Констанс Гарнетт с дополнениями Леонарда Кента. При этом мы принимали во внимание не только переданное ими содержание, но и, в первую очередь, функцию и дополнительное фоновое значение. В нашем анализе мы постарались выявить какие-то общие черты среди выделенных культурно-бытовых деталей и разделить их на группы.

1. Детали, объединенные в первую группу, по нашему мнению, вызвали трудности у переводчика, и их следует считать переводческими «ошибками», так как они либо заменяются реалиями языка перевода, либо не поняты вообще.

Во многих рассказах Гоголь использует обращение *кум* или *сват*. Например: «...вы, может быть, и рассердитесь, что пасичник говорит вам запросто, как будто какому-нибудь *свату* или *куму*...». В переводе эти обращения переданы следующим образом: "...you may be annoyed at a beekeeper like me addressing you so plainly, as though I were speaking to some *old friend* or *crony*...". Мы считаем данные слова культурно-бытовыми деталями, так как в тексте автор использует их, чтобы оправдать свое фамильярное отношение, таким образом, эти детали выполняют функцию выражения отношения героя к читателю и происходящему. Переводчик заменяет эти детали общеупотребительными словами. Это было бы вполне оправдано, если бы не наличие дополнительного фонового значения у слова *crony* в англоязычной культуре. Это слово может быть передано как *товарищ*, *друг*, но помимо этого эта словарная единица имеет дополнительное коннотативное значение. *Cronies* - это не только друзья, но и люди, учившиеся в одном колледже. Поэтому мы все же считаем, что культурно-бытовая деталь оригинала не передана, так как, хотя ее функция была сохранена (объяснение причин столь свободного обращение автора), перевод не может не вызвать дополнительных ассоциаций.

Еще одна культурно-бытовая деталь, вызвавшая сложности у переводчика - это слово *вареник*. «Вот вам приношения, Афанасий Иванович! *Варенички*, галушечки пшеничные, пампушечки, товченички!» В переводе слово *вареник* заменено словом *buns*, которое вызывает совсем другие ассоциации в воображении англичан, так как является неотъемлемой частью традиционного чаепития. Следует отметить, что ни по вкусу, ни по виду английский *bun* нисколько не напоминает украинский *вареник*. Мы считаем, что в этом случае культурно-бытовая деталь не только не передана, но и искажена, так как происходит замена культурно-бытовой деталью принимающей культуры, а это недопустимо.

2. Как мы уже показали, в «Вечерах на хуторе близ Диканьки» автор свободно использует слова, обозначающие элементы быта описываемой культуры. Чаще всего это реалии, но многие из них можно опустить без вреда для содержания. Мы рассмотрим лишь те реалии, которые играют определенную функцию в тексте, то есть являются культурно-бытовыми деталями. Их мы объединяем во вторую группу.

Например: «за возом брел, в чистой полотняной рубашке и запачканных полотняных *шароварах*, его хозяин». Данная деталь определяет место действия произведения, является своего рода сигналом для русского читателя, которые сразу рисует в воображение образ казака. Для создания похожего образа у англоязычного читателя и сохранения атмосферы переводчик в тексте использует нейтральное слово, давая пояснение в сноске: "...a wagon followed by the owner, in a clean linen shirt and dirty linen *trousers*" (Sharovary, very full trousers which are held below the knees by high boots).

В следующем отрывке Н.В. Гоголь описывает наряд замужней казачки: «... в *богатой плахте*, *пестревшей*, как шахматная доска, и в ситцевом цветном очипке...». В переводе функция, выполняемая этой деталью, искажена. Рассмотрим перевод этого отрывка: "in a gorgeous *plakhta* checked like a chessboard, and a flowered chintz cap..." Переводчик дает следующую сноску: 'Ukrainian women wore a skirt made of two separate pieces of material, held together only by a girdle at the waist; the front breadth was *zapaska*, and the back breadth the *plakhta*'. Не принимая во внимание тот факт, что определение дано несколько неправильно (*плахта* - это не часть юбки, а юбка целиком), переводческая сложность этого отрывка заключалась в другом. Во-первых, *плахта* - это, прежде всего, праздничная одежда. Во-вторых, расцветка, описанная автором, была вполне обычной для этой одежды. Распространенным рисунком был квадрат или прямоугольник, расположенный в шахматном порядке. Но без дополнительных фоновых знаний или объяснений может сложиться мнение, что автор иронизирует по поводу такой одежды или даже подчеркивает ее безвкусице. На самом же деле автор, наоборот, отмечает ее красоту и нарядность.

Следующий пример демонстрирует использование культурно-бытовой детали *очипок*: «...а я и позабыла... дай примерять *очипок*, хоть мачехин, как-то он мне придется!» Эта деталь показывает, что девушка собирается замуж, и хочет посмотреть, как она будет выглядеть в национальном головном уборе замужней женщины. В переводе это фоновое значение передается лексически: "But I was forgetting... let me try on a *cap*, even if it has to be my stepmother's, and see how it suits me *to look like a wife*". В данном отрывке переводчик сохранил фоновую информацию, выразив ее лексически.

Следующие культурно-бытовые детали связаны с блюдами и напитками Украины. В предисловии к «Вечерам» автор описывает наиболее запоминающиеся, по его мнению, угощения, которые должны произвести большое впечатление на читателя. Рассмотрим следующий отрывок: «Пили ли вы когда-либо, господа, *грушевый квас с терновыми ягодами или варенуху с изюмом и сливами?*». При переводе этого отрывка необходимо, во-первых, сохранить детали, а во-вторых, передать их таким образом, чтобы они вызвали такие же эмоции и чувства у читателей, как и у рассказчика. В переводе этот отрывок выглядит так: "Have you, friends, ever tasted *pear kvass flavored with sloes, or raisin and plum vodka?*" Русский напиток *квас* стал довольно известен в мире. Согласно словарю *kvass* - an alcoholic drink of low strength made in Russia and Eastern Europe from cereals and stale bread. Именно поэтому эта деталь передается легко, и при этом сохраняется и колорит. Другая выделенная нами деталь *варенуха с изюмом и сливами* - это украинский напиток из сваренных вместе горилки, меда, сушеных яблок и груш, который ставится в горшке в горячую печь на целую ночь. В переводе эта деталь заменена словом *vodka*, так как это широко известный русский напиток. В данном случае эту деталь можно считать переданной, так как разница между двумя напитками не играет большой роли, а колорит сохранен.

3. Многие культурно-бытовые детали в произведениях Н.В. Гоголя имеют форму описания или даны вместе с пояснениями, так как автор, описывая малоизвестную для русских читателей культуру, не переоценивает фоновые знания. Эти детали мы объединили в третью группу.

Одна деталь, данная с описанием в тексте, это *каганец*: «...с каганцом в руках, обыкновенною малороссийскою светильнею, состоящею из разбитого черепка, налитого бараньим жиром, отправился, освещая дорогу...». Автор также дает определение этого предмета в списке слов - род светильни. Данная деталь выполняет функцию передачи «деловой информации» [Громов 1984: 165]. Она встречается в тексте часто, и переводчик в первом случае использует транслитерацию, но дальше заменяет ее нейтральным словом *lamp*, нейтрализуя колорит.

Другая культурно-бытовая деталь описывает внешний вид и прическу девушки-казачки: «...на возу сидела хорошенькая дочка с круглым личиком, с черными бровями, ровными дугами, поднявшимися над светлыми карими глазами, с беспечно улыбающимися розовыми губками, с повязанными на голове красными и синими лентами, которые, вместе с длинными косами и пучком полевых цветов, богатою короною покоились на ее очаровательной головке». Это довольно распространенный женский образ у Гоголя и других писателей, изображающих украинскую культуру. Чаще всего украинские женщины были со светлыми волосами и бровями, поэтому читатель, знающий это, признает удивительную и редкую красоту героини. Для читателя, незнакомого с этой особенностью, переводчик вполне оправдано дает ссылку, чтобы сохранить функцию культурно-бытовой детали: 'Many Ukrainian women are blond and have light-colored eyebrows, i.e., are "eyebrowless", hence black or dark eyebrows bespeak something striking, beautiful'.

Что касается прически, то обычно незамужние девушки носили две косы, а укладывали волосы, вплетая ленты и цветы, только по праздникам. Стоит отметить, что девушка ехала на ярмарку. В переводе этот отрывок выглядит так: "...with red and blue ribbons twisted in the long braids which, with a bunch of wild flowers, crowned her charming head". Эта деталь отображает отношение девушки к ярмарке, как к большому событию в ее жизни. Мы считаем, что было бы лучше дать ссылку 'a festive hair-dress', иначе передано лишь содержание, а фоновое значение потеряно.

4. Четвертая группа объединяет культурно-бытовые детали, используемые автором для создания стилистических приемов. Чаще всего это сравнения и метафоры. Н.В. Гоголь также включает много фразеологических оборотов, в состав которых входит культурно-бытовая деталь. Рассмотрим несколько наиболее ярких примеров: «...он всегда примет в балахоне... цвета застуженного картофельного киселя». Культурно-бытовая деталь в данном примере выступает в роли сравнения. Автор использует его для приближения повествования к разговорной речи украинского крестьянства. На наш взгляд, был выбран наиболее простой и доступный способ перевода данной детали: замена культурно-бытовой детали *картофельный кисель* на близкое по виду и составу блюдо *картофельное пюре*. В результате балахон был "of the color of cold potato mash". В этом отрывке функция и содержание культурно-бытовой детали сохранены.

Интересный пример связан со словом *бублик*: «...продавщица бубликов, которой подвижная лавка была рядом с яткою шинкарки, ...писала ногами совершенное подобие своего лакомого товара». Культурно-бытовая деталь *бублик* упомянута не только для создания колорита, но и используется для создания образа, и в воображении русского читателя сразу вырисовывается описанная картина. В английском варианте переводчик просто опустил этот образ: "...the pretzel seller, whose stall was next to the drinking booth, ...could not walk straight". Как видно из этого примера, переводчик нейтрализовал культурно-бытовую деталь и стилистический прием, в образовании которого она участвовала, передав ее смысл описательно. Слово *бублик* заменено культурно-бытовой деталью языка перевода, что тоже не вполне оправдано. Тем не менее, если переводчик выбрал такой способ передачи слова *бублик*, можно было бы сохранить образное описание походки продавщицы, тем более что форма *pretzel* очень для этого подходит.

Как мы уже говорили, автор часто использует фразеологизмы для того, чтобы приблизить речь персонажей к реальности. Передать фразеологизм бывает довольно сложно. Полных эквивалентов в данной области очень мало, и предпочтительней заменять его аналогом переводящего языка. При этом теряется колорит, но функция и содержание культурно-бытовой детали будут сохранены. К примеру, возьмем следующий отрывок: «Нечестивец! поиди умойся наперед!...что у него молоко на губах...». Сложность передачи этой детали заключается еще и в том, что слова, использованные во фразеологизме, связаны с предыдущей фразой, а также он дан не до конца. В английском языке есть аналоги этого фразеологизма, к примеру, 'he is still green', 'he is wet behind his ears', 'he is hardly out of his cradle'. Самым лучшим вариантом в данном случае была бы пословица 'he is wet behind his ears', так как можно было бы заменить «умойся», на, например, «протри лицо», и таким способом связать две фразы. В переводе же эта фраза звучит следующим образом: "You infidel! go and wash your face!...Why, the milk is scarcely dry on his...". Мы считаем, что переводчик совершил здесь ошибку. Во-первых, дословная передача фразеологизма ничего не говорит читателю другой культуры, в которой просто нет такого выражения. Функция данной детали не выполнена. Мало того, даже содержание этого отрывка неясно, так как фразеологизм дан в усеченной форме. Непонятно также, к чему были сказаны слова "go and wash your face". Таким образом, этот отрывок может только привести читателя в недоумение.

Рассмотрев эти примеры, а также ряд других не менее интересных, мы попытались выделить основные способы перевода культурно-бытовых деталей (КБД) в зависимости от выделенных групп:

1. Ошибки при передаче КБД

- замена КБД деталью принимающей культуры → деталь получает дополнительное фоновое значение и вызывает другие ассоциации (*кум, вареник*).

2. КБД в форме типичных описываемой культуре реалий

- транслитерация и пояснение в сноске → передача содержания и фонового значения КБД, сохранение функции; редко при неполной ссылке потеря или искажение фонового значения (*шаровары; плахта*)

- замена более известным аналогом культуры оригинала → сохранение функции и содержания, иногда искажение фонового значения (*варенуха*)

- замена нейтральным аналогом и передача фонового значения лексическими средствами языка перевода → сохранение функции, содержания и фонового значения (*очипок*)

- транслитерация широко известных деталей без объяснений → сохранение функции и содержания (*квас*)

3. КБД в форме описания или с толкованием автора

- дословная передача КБД и описания (толкования) → сохранение содержания, иногда потеря фонового значения, если оно не объяснено автором (*каганец*)

- передача содержания КБД и объяснение фонового значения в ссылке → сохранение функции, содержания и фонового значения КБД (*черные брови казачки*)

4. КБД в составе стилистического приема или фразеологизма

- дословная передача фразеологизма или стилистического приема → стирание стилистического приема, потеря фразеологизма; часто приводит к искажению содержания (*молоко на губах не обсохло*)

- нейтрализация КБД и стилистического приема → стирание стилистического приема, национального колорита, передача только содержания (*бублик - писала ногами подобие своего товара*)

- передача стилистического приема средствами языка перевода → сохранение стилистического приема, сохранение содержания (*цвета застуженного картофельного киселя*)

Таким образом, в повести Н.В. Гоголя «Вечера на хуторе близ Диканьки» встречаются культурно-бытовые детали в форме реалии, описания, а также используются в качестве стилистического приема. Изучив способы передачи культурно-бытовых деталей, мы установили, что при переводе следует ориентироваться на культуру оригинала. При передаче деталей в форме реалии необходимо использовать транслитерацию и давать полное объяснение в сноске, включая фоновое значение. Культурно-бытовые детали в форме описания вызывают меньше проблем при переводе, хотя иногда фоновое значение бывает потеряно. Детали в составе фразеологизмов или использованные в качестве стилистического приема следует передавать средствами языка перевода и сохранять функции. Также необходимо всегда уделять особое внимание содержанию культурно-бытовой детали, иначе неизбежны ошибки и искажение смысла. Замена культурно-бытовой детали реалией языка перевода недопустима.

Данное исследование, а также анализ культурно-бытовых деталей в произведениях других авторов помогут нам в дальнейшем выделить основные принципы передачи культурно-бытовой детали, разработать некоторые рекомендации по ее переводу, и ответить на вопрос о возможности сохранения национального колорита художественного произведения в целом.

Список использованной литературы

1. Громов Е.С. Начала эстетических знаний. М., 1984 - с. 165.

К ПРОБЛЕМЕ ПЕРЕВОДА РЕЛИГИОЗНЫХ РЕАЛИЙ

Сальникова Е. В.

Сыктывкарский государственный университет

В современном переводоведении немало место уделено анализу адекватного перевода безэквивалентной лексики, реалий, экзотизмов. Этой проблеме посвящены работы А.В.Федорова, В. И. Копанева, С. Влахова и С.Флорина, Б.И.Репина, К. И. Монахова и др. Однако ни один из авторов научных работ по теории художественного перевода не заостряет внимания на группе реалий, принадлежащей к лексике церковной, религиозной. Данные реалии упоминаются в исследованиях, как правило, среди этнографических и национальных, но нераскрытыми остаются принципы их перевода, а также то влияние, которое оказывает перевод этой группы реалий на передачу национального своеобразия художественного произведения и на его замысел в целом.

Наше сообщение не претендует на всецелое заполнение данного пробела; мы попытаемся лишь наметить некоторые существенные на наш взгляд положения, которые смогли бы в дальнейшем перерасти в полное интересное исследование.

В нашей работе мы опирались на перевод романа И.Шмелева «Лето Господне», выполненный Рудольфом Карманном в 1974 г.

Предварим наш анализ пояснением выбора объекта исследования. Небезызвестно, что речь человека вводит слушающего (или читающего) в пространство его души. Таким образом, необычайно важен тот языковой пласт, те понятия, которые помогают осязать непосредственно внутреннюю жизнь. А это - язык веры. И.Шмелев в своем романе постоянно прикасается, прислушивается к внутреннему человеку («сокровенному сердцу человеку»), у которого «душа начинается», в ком радость тела переливается в радость души. Русская